ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО
1 8 6 9
БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ Wапысьхalayl—lумозыl.

I.

Былъ великій шаманъ именемъ Мээмгынъ оленный человѣкъ, жилъ въ срединной странѣ. Было у него восемьдесятъ жилищъ; всѣ жилища наполнены людьми; было восемь стадъ, олени какъ валежникъ въ лѣсу. Былъ у него единственный сынъ, именемъ Рынтэу. Этотъ сынъ умеръ. Мээмгынъ, великій шаманъ, искалъ его по всей землѣ, обыскивалъ всѣ вселенныя, не могъ найти. Въ великой печали сидитъ въ пологу, пересталъ шаманить, изъ полога не выходитъ. Тѣло сына лежитъ передъ нимъ на шкурѣ. Тѣло всё сгнило, ибо прошло три года, кости отдѣлились отъ мяса и внутренности вывалились на шкуру и смѣшались съ гнилой шерстью. Наконецъ, отецъ всталъ, призвалъ двухъ работниковъ [1]) и говоритъ имъ:—За предѣломъ земли, гдѣ небо и земля сходятся, живетъ великій шаманъ, Чесоточный человѣкъ [2]). Подите, позовите его, скажите—Мээмгынъ тебя зоветъ, не оживишь-ли сына? Самъ выбралъ имъ четыре оленя, запрегъ ихъ въ сани, посадилъ ихъ на сани, самъ надѣлъ узды на оленей, самъ возжи надѣлъ имъ на руки [3]), самъ заговорилъ оленямъ уши и головы, и сани и сбрую. Окончивъ заговоръ, дунулъ,—полетѣли они по воздуху какъ гуси.

У Чесоточнаго сто домовъ. Стоятъ у самаго земленебеснаго рубежа (предѣлъ достиженія) [4]). Онъ лежитъ издавна въ пологу, ибо не можетъ самъ пошевелиться. Все тѣло его покрыто паршами. Ротъ и внутренность зѣва, руки и ноги, губы и глаза, подошвы и кончики ногтей, все покрыто чесоткой. Только жена перекладываетъ его въ пологу съ мѣста на мѣсто. Еще до ихъ прихода говоритъ утромъ женѣ:—Положи меня у задней стѣны, дай мнѣ бубенъ, я немного постучу, посмотрю въ бреду [5]). Постучалъ немного въ бубенъ, а бубенъ привѣшенъ на ремнѣ, ибо держать его не можетъ. Немного погодя, говоритъ онъ женѣ:—Свари побольше ѣды, гости сегодня будутъ. Переложи меня къ передней сторонѣ!—Только переложила, явились гости.

Полетѣли посланные Мээмгына по верху какъ птицы, скоро достигли предѣла земли. Виднѣется собраніе домовъ. Одинъ говоритъ:—Привяжемъ оленей, пойдемъ пѣшкомъ!—Пошли, приходятъ въ селеніе, бродятъ какъ въ лѣсу. Спросили у переднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—Спросили у середнихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—Спросили у заднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—На самомъ краю собранія домовъ нашли шатеръ Чесоточнаго.—Коко!—говоритъ Чесоточный.—Гости пришли! Откуда вы?—Отъ Мээмгына изъ срединной страны. У него сынъ умеръ проситъ тебя поискать его.—Да я какъ пойду? Я весь въ чесоткѣ, тѣло мое твердо, какъ дерево; жена перекатываетъ (меня),

---

[1]) Ыиilыt.
[2]) Wапысьхàlayl.
[3]) Оленьи возжи оканчиваются ременными петлями, которыя надѣваются на руки.
[4]) Кукут-тàhын.
[5]) Fəты мыhitəськйгкwок.

какъ бревно.—Все-таки попробуй! Мэ̀мгынъ богатъ: хорошо заплатитъ.—Не знаю, какъ будетъ. Попробую! А вы на чемъ пріѣхали?—На оленяхъ!—Какіе такіе олени? Что за олени?—Развѣ оленей не знаешь?—Такое множество, чѣмъ питаетесь? Какія стада у васъ?—Наши стада собачьи, собачье мясо мы ѣдимъ!—Посмотрѣли. Около домовъ ходятъ собачьи стада. Собаки большія и жирныя, не меньше оленей.—Ну, приведите-же оленей, посмотрю!—Привели. Со всѣхъ сторонъ разглядываетъ, не можетъ наглядѣться.—Это мои олени!—Сказали въ утробѣ своей [1]): Ухъ! На чемъ домой поѣдемъ! Дальніе мы. Худо!—Узналъ (вычиталъ) ихъ мысли изъ утробы. Говоритъ:—Чего опасаетесь! Развѣ я не смогу уѣхать безъ вашихъ оленей? Могу!—Говорятъ въ утробѣ своей:—Весьма безсиленъ! Не великій человѣкъ!—Отвѣчаетъ, узнавъ эти слова:—Нѣтъ, если пойду, то силу найду.—Какже оленей возьметъ? думаютъ въ утробѣ своей,—вѣдь собаки съѣдятъ ихъ. Напрасно.—Отвѣчаетъ на эти слова: Могу устроить, что не съѣдятъ. Подведите-ка оленей!—Подвели ему оленей. Онъ имъ сталъ наговаривать въ глаза, и въ уши, и въ ноздри, и въ ротъ. Наговаривалъ, наговаривалъ; какъ только окончилъ, убѣжали олени, задравъ хвостики, какъ собаки, добѣжали до сабачьяго стада, стали нюхать другъ друга (собаки и олени). Немного послѣ того говоритъ:—Вы по дорогѣ чѣмъ питались?—Они говорятъ: Оленьимъ мясомъ.—Покажите мнѣ ваши запасы!—Разглядываетъ, смотритъ. Вотъ воистину мои запасы!—Говорятъ въ утробѣ своей:—О, на обратномъ пути чѣмъ будемъ питаться, ночуя на сѣптухѣ?—Отвѣчаетъ, узнавъ слова:—Если поѣдемъ, развѣ станемъ ночевать на сѣптухѣ! Не станемъ ночевать.—

Поѣли гости и попили. Когда наступилъ вечеръ, говоритъ Чесоточный:—Пора намъ въ путь!—Около его селенія высокая крутая гора.—Вотъ на эту гору взойдемъ. Онъ взялъ бубенъ, они взяли его подъ руки и понесли на верхъ горы. Пришли на вершину поздно ночью, положили его на траву.—Теперь сосните до утра!—говоритъ Чесоточный. Положилъ ихъ рядомъ на траву. Только заснули, онъ сорвалъ всю траву вокругъ себя и сталъ плести веревку, сплелъ травяную веревку, выплелъ и узды и возжи; узды надѣлъ на спящихъ, возжи взялъ въ руки; дунулъ, понеслись по воздуху какъ птицы. А около шатра Мээмгына тоже высокая гора; на той горѣ опустились спящіе. Когда стало разсвѣтать, разбудилъ Чесоточный посланцевъ.—Посмотрите-ка вокругъ себя, это что за земля?—Чего смотрѣть! Прежняя гора,—отвѣчаютъ со сна и не хотятъ раскрывать глазъ. Когда стала большая заря, снова разбудилъ ихъ Чесоточный.

— Посмотрите-ка внизъ; чьи это олени ходятъ? Чьи это жилища виднѣются?—Мэй! закричали они,—вотъ наше стадо, вотъ наши дома! И побѣжали внизъ. Пришелъ Чесоточный въ шатеръ Мээмгына: отецъ сидитъ передъ кучей гнили, не подымая головы.—Я пришелъ,—говоритъ Чесоточный,—призванный тобою! Хотя и трудно найти украденнаго, но попробовать можно, какъ будетъ. Но вѣдь мы съ тобой оба равно вдохновенные. Искалъ-ли ты своего сына?—Искалъ.—Гдѣ искалъ?—Вездѣ.—Что нашелъ?—Ничего.—Вверху надъ нами свѣтятся многочисленныя звѣзды,—смотрѣлъ-ли между ними?—Смотрѣлъ.—Что же?—Нѣту!—О! гдѣ-же найти твоего сына, если тамъ нѣтъ!...

Въ глубинѣ моря живетъ множество крупныхъ тварей, тюленей и моржей и лахтаковъ,—смотрѣлъ-ли между ними?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣту!—О, гдѣ-же найдемъ твоего сына, если тамъ нѣтъ...

Въ глубинѣ моря живетъ другое множество среднихъ тварей: бѣлыхъ, красныхъ, сѣрыхъ рыбъ, нагихъ и одѣтыхъ чешуей,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—О гдѣ же найдемъ твоего сына, если тамъ нѣтъ. Въ глубинѣ моря живетъ третье множество мелкихъ тварей: морскихъ звѣздъ, ракушекъ, червей, водяныхъ клоповъ,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—На поверхности земли бѣгаетъ всякая дичь: дикіе олени, лисицы, медвѣди, зайцы, волки. На поверхности земли ползаютъ всякія насѣкомыя, бѣлошапки [2]), и мохнатки [3]), и божьи коровки [4]), и черные жуки [5]). Въ глубинѣ земли роются красные черви—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—На пространствѣ сѣптухи растетъ множество травъ, смотрѣлъ-

---

[1]) Хäläлвынчыку нiухäат.
[2]) Kalгэвћыт [3]) Мыћћыткàлыт [4]) ћытокалàлыт [5]) Täннэytti.

ли отъ былинки къ былинкѣ?—Смотрѣлъ. —Что-же?—Нѣтъ.—О, гдѣ же найти твоего сына, если тамъ нѣтъ.—Пересмотрѣлъ-ли всѣ побѣги и отростки тальника среди пустыни?.. Пересмотрѣлъ-ли всѣ стволы лиственницъ въ лѣсу?.. Пересмотрѣлъ. Что-же?—Нѣту!—Берега рѣкъ покрыты мелкими камешками – искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что же?—Нѣту.—Все видимое и осязаемое, все существующее на этой землѣ,—пересмотрѣлъ-ли ты? — Пересмотрѣлъ. — Что-же? — Нѣту! — Подъ этой землей есть другая вселенная, принадлежащая Кэля; у ней есть свое небо, свои звѣзды, свое солнце и мѣсяцъ, и свое море,—смотрѣлъ-ли ты между всѣмъ существующимъ на той землѣ, между звѣздами вверху, рыбами въ морѣ, травами надъ землей и червями въ почвѣ?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣту.—Подъ этой вселенной есть третья вселенная, населенная людьми; тамъ тоже свое небо и свои звѣзды, свое море и свое солнце и мѣсяцъ.—Искалъ-ли между всѣмъ существующимъ на той землѣ?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—Надъ нами вверху надъ изнанкой неба, есть опять вселенная, принадлежащая падземнымъ духамъ, новыя звѣзды, новая твердь новое море,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—Надъ той вселенной есть третья вселенная, принадлежащая людями, тоже съ моремъ и звѣздами, и солнцемъ, наполненная дичью въ лѣсахъ и рыбой въ водѣ,—искалъ-ли тамъ?—Искалъ.—Гдѣ больше жизни: на надземной или на подземной вселенной?—Какъ разъ одинаково.—Гдѣ больше рыбъ въ морѣ, дичи на сѣндухѣ, птицъ въ воздухѣ,—въ надземной или подземной вселенной?—Какъ разъ поровну.—Обыскалъ-ли ты вселенную на восходѣ солнца?—Обыскалъ.—Обыскалъ-ли ты вселенную на закатѣ солнца..... А на потуханіи зари?..... А лежащую на полдень..... А лежащую на полночь?..... Всё обыскалъ. Нигдѣ нѣтъ.

— А выше всего есть надъ нами вселенная небольшая и лежащая особнякомъ, принадлежащая Птичьей женщинѣ [1]), тамъ посмотрѣлъ-ли?—Нѣтъ, не смотрѣлъ, той вселенной я не знаю.—Вотъ, должно быть, Птичья жена украла твоего сына. Пойду-ка его искать.

Загремѣлъ, зашумѣлъ бубномъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ внутрь земли. Потомъ далеко за шатромъ послышался шумъ. Вышелъ изъ земли и взвился съ бубномъ прямо вверхъ, до вселенной Птичьей жены. По дорогѣ три вселенныя: на одну восходитъ, на другую возвращается, на одну восходитъ, на другую возвращается; спугиваетъ слѣды. Миновалъ три вселенныхъ по дорогѣ, скоро достигъ до ея вселенной, посмотрѣлъ вокругъ (себя), увидѣлъ желѣзный шатеръ, въ шатрѣ круглая дыра, виднѣется желѣзный пологъ. въ пологѣ тоже круглая дыра, сквозь дыру виднѣется душа [2]) мальчика, у задней стѣны перевязана желѣзными ремнями по всѣмъ суставамъ. Птичья жена похитила его себѣ на пищу, посадила у задней стѣны. Каждое утро спрашиваетъ его: Чѣмъ ты питался на своей землѣ?—Я питался олениной, морскимъ мясомъ, тюленьимъ жиромъ, моржовымъ саломъ, боками дикаго оленя!—Тотчасъ же улетитъ за три вселенныхъ, принесетъ мясо разнаго рода и кормитъ его, откармливаетъ его себѣ на пищу. По всѣмъ стѣнамъ желѣзнаго шатра развѣшаны огромныя части мяса. Птичьей жены нѣтъ дома; она полетѣла добывать мальчику на ѣду китовой кожи. Но у дверей желѣзнаго шатра привязаны двое Рэккэ [3]). Ихъ уши поворачиваются во всѣ стороны, ловя малѣйшій шумъ. Чесоточный обернулся комаромъ, только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, на него щелкаютъ зубами, – уловили шумъ крыльевъ. Обернулся оводомъ, только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, щелкаютъ зубами,—уловили шумъ крыльевъ. Обернулся бѣлошапкой; только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, щелкаютъ зубами,—уловили шумъ ея крыльевъ. Обернулся бабочкой; только что хочетъ влетѣть щелкаютъ зубами,—уловили шумъ ея крыльевъ.—Пукъ! говоритъ—замедленіе! Скоро придетъ Птичья жена!—

---

[1]) ħalħànau—чудовище съ птичьими крыльями, женскимъ лицомъ и торсомъ и желѣзно-коггистыми лапами, питающееся душами людей.

[2]) Увіреіt.

[3]) Рэкэt, чудовища съ медвѣжьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малѣйшій шорохъ.

Обернулся онъ мясной мухой; полетѣлъ въ шатеръ,—вниманія не обращаютъ; ибо имъ шорохъ мясной мухи знакомъ издавна. Впорхнулъ въ шатеръ. Рядомъ съ другими мухами наскоро поѣлъ отъ того и отъ другаго мяса и влетѣлъ въ пологъ, развязалъ желѣзныя связи yбipita, обернулъ и его мясной мухой. Вылетѣли вонъ, полетѣли въ свою вселенную. Отъ вселенной птичьей жены до этого міра три вселенныхъ. Движутся не прямо; со второй вселенной возвращаются на первую, съ третьей на вторую, ведутъ кругами слѣды, какъ лисица. Когда стали на третьей вселенной, догнала ихъ Птичья жена.—Ко-ко-ко! Зачѣмъ моего парня укралъ?—У укравшаго краденое (взятое) возвращаю назадъ, говоритъ Чесоточный Шаманъ.—Отдай назадъ, не то убью обоихъ!—Еще никто не грозился до Чесоточнаго дотронуться даже пальцемъ; только ты въ первый разъ. А впрочемъ попробуй!—Махнула крыльями птичья жена. Затрепыхался Чесоточный отъ взмаха крыльевъ, какъ сухой листъ отъ вихря.—Ого,—говоритъ,—вправду, видно, хочетъ меня убить. Ну, ну,—говоритъ,—подожди немного,—я теперь попробую.—Вобралъ руку въ рукавъ, изъ рукава мизинцемъ къ небу повелъ, сошелъ съ неба огонь и попалилъ крылья Птичьей жены.—Ого,—говоритъ (Птичья жена),—вправду хочетъ меня убить! Ну-ка я теперь!—Взмахнула крыльями, да въ крыльяхъ нѣтъ вѣтра, ибо опалены перья. Не шевелится Чесоточный.—Ну, будетъ съ тебя! Становись на мѣсто; пусть я тебя убью. Замедленіе ты! Мнѣ нужно спѣшить!—Въ свою очередь стала недвижна Птичья жена [1]). Еще разъ повелъ мизинцемъ: сошелъ съ неба огонь и сжегъ всю Птичью жену,—только отъ костей ея остался бѣлый пепелъ.—Надо торопиться,—сказалъ Чесоточный. Сидящіе въ шатрѣ Мээмгына услышали шумъ бубна. Спустился съ неба, вошелъ внутрь земли; немного послѣ того вышелъ изъ земли среди полога.

— Ну,—говоритъ,—нашелъ мальчика! Надо торопиться!—Позвалъ своихъ духовъ и далъ имъ держать душу. Посмотрѣлъ на кучу гнили передъ Мээмгыномъ, щелкнулъ глоткой, проглотилъ её; гнилая жидкость брызнула въ стороны, какъ вода.—Принесите скорѣе новую шкуру. Принесли, разостлали. Харкнулъ и выхаркнулъ тѣло мальчика: кости вошли на мѣсто, мясо приросло къ костямъ. Опять щелкнулъ горломъ, проглотилъ тѣло, опять выхаркнулъ его, обтянулось тѣло новой кожей, загладились всѣ изъяны. Въ третій разъ проглотилъ и выхаркнулъ: кровь блеснула на щекахъ, только что не говоритъ.—Дайте душу!—говоритъ Чесоточный духамъ. Проглотилъ душу и выхаркнулъ её на тѣло. Прошла сквозь тѣло, какъ стрѣла, вонзилась въ стѣну.—Не припаивается!—сказалъ Чесоточный шаманъ.—Слишкомъ холодное тѣло.—Опять проглотивъ тѣло, разогрѣлъ его въ своей утробѣ, опять выхаркулъ. Потомъ бросилъ въ него душою.

— Гы-гы-гы—сказалъ парень и сѣлъ на оленьей шкурѣ. Отецъ сталъ его обнимать и цѣловать.

— Воистину ты великій шаманъ! Гораздо больше меня? Какую плату хочешь ты? Пусть хоть оленье стадо!—Согласенъ! Есть у меня пятнадцать стадъ: одно съ бѣлыми ногами, другое съ бѣлыми передними копытами, третье съ бѣлыми задними копытами, четвертое въ бѣлыхъ переднихъ чулкахъ, пятое въ бѣлыхъ заднихъ чулкахъ. Есть одно стадо бѣлое, другое стадо прекрасно-черное, третье стадо сивое, четвертое стадо сѣрое, пятое стадо пестрое. Есть одно стадо темно-сѣрое, есть другое стадо сиво-пестрое, есть третье стадо сиво-пятнистое, четвертое сѣро-пятнистое, пятое—пятнисто-пестрое. Это самое многочисленное. Какое стадо выбираешь себѣ?—Пусть хоть пятнисто-пестрое!—сказалъ Чесоточный.—Послалъ работниковъ Мээмгынъ. Скоро застучали копыта. Голова стада прошла мимо шатра а завернула вокругъ. Пять дней шло мимо стадо. Отъ стука копытъ не слышно было словъ. Наконецъ, явились задніе олени. Всё стадо стало вокругъ шатра на три дня пути въ глубину.—Ну, я уѣзжаю;—сказалъ Чесоточный,—только пусть всѣ люди войдутъ въ пологъ и не выходятъ вонъ; ибо всё что будетъ снаружи, захвачу съ собой. А я весьма далекій! А за парнемъ смотрите! Я сдѣлалъ его шаманомъ бо́льшимъ, чѣмъ я самъ. Но умъ его будетъ склоненъ на худое. Но берегитесь съ этимъ спорить, ибо вамъ будетъ худо.—Ударилъ въ бубенъ, запѣлъ свою пѣснь и двинулся

---

[1]) Чукотскіе борцы при состязаніи нападаютъ другъ на друга по очереди.

изъ шатра. Тотчасъ-же шумъ стада и звукъ пѣсни удалились вверхъ, все выше и выше, поровнялись съ дымовымъ отверстіемъ, потомъ стали выше трубы, потомъ постепенно замерли въ вышинѣ; только отрывки пѣнія еще доносились съ недоступной вышины.

II.

Дѣйствительно, Рынтэу сталъ худо поступать. Какъ только уѣхалъ Чесоточный, съ того же вечера сталъ поступать безумно. Обижаетъ людей. Бѣгаетъ по шатрамъ и пологамъ: гдѣ какая женщина есть, ту тотчасъ же насилуетъ; гдѣ какой мужчина лежитъ, хватаетъ его за . . . и трясетъ и поднимаетъ вверхъ. Прибѣжитъ въ пологъ: гдѣ какой-нибудь старикъ и старуха хорошо, спокойно спятъ, онъ подбѣжитъ къ старику, схватитъ его за . . ., скинувъ съ него штаны, и начинаетъ его трясти, трясетъ, трясетъ и броситъ; у старухи всю одежду разорветъ, все долой снимаетъ... Такъ всю ночь и бѣгаетъ изъ полога въ пологъ. Отъ великой поспѣшности штаны снялъ, обувь тоже, такъ нагой и бѣгаетъ изъ полога въ пологъ, насильничаетъ. Ничего ему не могутъ сдѣлать. Повалятъ его, начнутъ вязать,—смотрятъ, онъ уже совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ у какой-нибудь бабы одежду разорвалъ и за грудь её хватаетъ... Пробуютъ дѣлать порчу, соберетъ въ руковицу всѣ слова тѣхъ людей, которые его пытались испортить, въ рукавицѣ завяжетъ и утромъ раздаетъ ихъ обратно.—Вотъ, говоритъ, твое слово, вотъ твое, вотъ твое.—Стало отцу мученье, люди пришли жаловаться; плачутъ старики и старухи.

— Ухъ!—говоритъ отецъ,—нужно его извести, худо дѣлаетъ!—Пошелъ на вечернюю сторону искать старуху Кэля. Шелъ, шелъ; дошелъ до ея дома, спереди ея сынъ возится надъ санями. Говоритъ:—Гдѣ твоя мать?—Въ пологу!—Пришелъ!—Пришелъ!—Знаю, ты хочешь сына мнѣ скормить! Сейчасъ пойду!—Взяла желѣзный посохъ съ копьемъ на концѣ, половина (посоха) въ крови выпачкана.—Когда придешь домой, скажи сыну, пусть выглянетъ наружу, тутъ его и убью.—Пришли. Говоритъ отецъ ему:—выйди изъ полога, посмотри за шатромъ, тамъ лежитъ гарпунъ (tэ̆ŋinä), принеси его сюда. А она стоитъ у двери, поднявши посохъ навзмахъ удара. Высунулъ голову изъ-подъ полога.—Кто тамъ за дверью стоитъ? (видитъ онъ старуху сквозь шатеръ оконъ шамана).—Кто стоитъ! Никого нѣту!—Вдругъ вспорхнулъ гусемъ, пробилъ сзади старухи крышку шатра и улетѣлъ на сторону ночной темноты. Погналась старуха; не можетъ догнать.

— Ладно,—говоритъ,—когда нибудь вернешься домой!—Пришелъ парень въ тёмную сторону, блуждаетъ въ темнотѣ, вдругъ ткнулъ ногой филина.—Гы-гы-гы! что ты толкаешься?—Коко! человѣкъ тоже ты?

— Хоть не человѣкъ, а все-таки въ темнотѣ жительство имѣю; не толкай насъ! Мы тоже жители.

— А если вы жители, дайте переночевать,—я сильно усталъ!—Ну, ладно! Полѣзай!—Посадилъ его подъ мышку (одной лапы).—Захочешь помочиться, скажи, я подамъ сосудъ!... Захотѣлъ мочиться.—Nарӈынolot! Эчуylhын [1])!—Waho!—протянулъ ему другую лапу подъ мышку.—«Вотъ сюда!».—Потомъ вылилъ въ сторону. На утро стали прощаться.—Вонъ, говоритъ, отверстіе вдали!—Виднѣется отверстіе, какъ проѣденное личинкой овода [2]).—Это свѣтится изъ свѣтлой земли. Вонъ туда иди! Да только знай: старуха положила посохъ поперекъ дороги, стала желѣзная гора; сама старуха раздвоилась пополамъ,—стала по оба конца. Дойдешь до желѣзнаго хребта, пусть отвѣсный, не обходи кругомъ, полѣзай черезъ, полѣзай по срединѣ, гдѣ прежде была черта, граница крови, на желѣзномъ хребтѣ краснѣетъ ржавой землей, тамъ и полѣзай. Обходить станешь, убьютъ тебя. Какимъ-бы великимъ шаманомъ не былъ, все-же будешь убитъ. Лучше полѣзай черезъ!

---

[1]) Обычныя восклицанія при переговорахъ изъ разныхъ отдѣленій шатра.
[2]) Рычвălhын см. выше.

Пошелъ Рынтэу на свѣтъ. Пока былъ день, шелъ прямо, стало вечерѣть на нашей землѣ, потемнѣло отверстіе, опять заблудился въ темнотѣ, толкнулъ ногою ворона.—Гы-гы-гы! Что ты толкаешься?—К о к о! Человѣкъ тоже ты?—Хоть не человѣкъ, а все-таки въ темнотѣ жительство имѣю, не толкай насъ, мы тоже жители.—А если вы жители, дайте переночевать,—я сильно усталъ.—Ну ладно, полѣзай.—Посадилъ его подъ мышку (лапы)! Захочешь помочиться, скажи, я подамъ сосудъ.—Захотѣлъ мочиться.—«Нарhыноlòt эчуулhòн!»—«Waho!»—протянулъ ему другую лапу,—подъ мышку.—«Вотъ сюда!»—Потомъ вылилъ въ сторону. На утро стали прощаться. Виднѣется впереди свѣтъ, какъ дымовое отверстіе шатра.—Вотъ туда иди, то твоя земля!

Шелъ, шелъ, дошелъ до желѣзнаго хребта, гладкій отвѣсный, какъ скала объѣденная лежитъ. Все-таки сталъ карабкаться вверхъ ногтями и зубами. Немного взлѣзъ: скатился внизъ, упалъ навзничь. Глядь, а онъ на вершинѣ хребта. Посмотрѣлъ внизъ: свѣтлая земля, тутъ и ихъ дома подъ горой. Скатился съ хребта, пришелъ домой. Старушки увидѣли издали, всѣ съ плачемъ бѣжали, ибо заранѣе боятся.

Еще хуже дѣлаетъ надъ людьми. Стали плакать всѣ женщины.—Ухъ!—говоритъ отецъ—что же съ нимъ сдѣлать?—Говоритъ ему:—Если ты вправду шаманъ, на восточной сторонѣ, въ темной землѣ, живетъ Кэля, высватай у него дочь!...—Хорошо!—говоритъ и полетѣлъ на востокъ, какъ птица. Въ темной землѣ на восточной сторонѣ живетъ Кэля съ женой. Единственная дочь. Мать говоритъ ему;—Ты зачѣмъ:—Вашу дочь пришелъ сватать!—Возьми!—говоритъ,—если не имѣешь страха!.. Привезъ домой, тотчасъ же забеременѣла. У сосѣдей, гдѣ увидитъ рѣбенка, тутъ и съѣстъ. Съ плачемъ жалуются отцу.

— Ухъ!—говоритъ отецъ—что съ нимъ дѣлать?...—Говоритъ ему.—На западной сторонѣ въ темной землѣ живетъ другой Кэля. Его дочь, попросивъ, высватай!...

Полетѣлъ на западъ.—Пришелъ?—Пришелъ!.. Зачѣмъ ты?—Вашу дочь высватать!—Возьми ее, если вы не имѣете страха.

Только что привезъ домой, тутъ же забеременѣла. Въ сосѣднихъ шатрахъ, гдѣ увидитъ старика, тутъ и съѣстъ. Люди пуще прежняго съ плачемъ жалуются.

— Ухъ!—говоритъ отецъ.—На сѣверной сторонѣ въ темной землѣ есть у Кэля великій ножъ (мечъ). Его достань!...

Отправился, пришелъ. Видитъ круглая скала безъ двери. Сталъ кричать, а оттуда голосъ отвѣчаетъ:—войди!.. Но двери нѣтъ. Опять сталъ кричать, камень раскрылся и впустилъ его.

Живутъ Кэля старикъ и старуха. Все жилище наполнено шкурами песцовъ, лисицъ, горностаевъ, бѣлокъ.—Ты зачѣмъ?

— Пришелъ шаманить, если желаете слушать!..—А самъ смотритъ: ножъ тутъ же лежитъ.

Зашаманилъ Рынтэу. Шкуры песцовъ, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ ожили и стали плясать подъ стукъ бубна.—Коко!—говоритъ Кэля.—Хорошо ты постукиваешь! И мы попробуемъ (плясать)!

Плясали, плясали. Устали, упали, заснули. Рынтэу схватилъ ножъ и убѣжалъ. Старуха наконецъ проснулась. Говоритъ:—Гдѣ новый гость? Его печенью сладко закусимъ!—А гостя уже давно нѣтъ.

Принесъ домой большой ножъ, повѣсилъ надъ пологомъ. Ножъ Кэля развѣ будетъ хорошо пребывать? Кто коснется рукой, умираетъ, кто посмотритъ, заболѣетъ. А жены ѣдятъ дѣтей и стариковъ. Плачутъ люди. Пуще мука отцу. Говоритъ ему:—За моремъ живетъ моя сестра! Поѣзжай въ гости!—Рынтэу уѣхалъ, а отецъ зарѣзалъ двухъ бѣлыхъ сукъ, содралъ шкуры и одѣлъ невѣстокъ, а языки имъ обвязалъ крѣпко.

Пріѣхалъ Рынтэу.—Гдѣ мои жены?—Сказали: «Скучно здѣсь жить! уѣдемъ домой!...»—А двѣ суки такъ и ходятъ вокругъ Рынтэу.—Что съ вами?—посмотрѣлъ, а у нихъ языки обвязаны. Развязалъ языки, заговорили, какъ прежде. Содралъ и собачину. Снова стали ему женами. Пуще прежняго истребляютъ людей.

Ухъ!—говоритъ старикъ,—что съ нимъ дѣлать?—Пошелъ на сторону восхода, нашелъ старушку Кэрэк [1]).

Старуха Кэрэкъ величиной съ толстый палецъ. По дорогѣ говоритъ старушка съ порчей отцу:—«Если застанемъ его въ пологу, ладно. Если застанемъ на дворѣ, скажи, пусть войдетъ въ пологъ. Когда же войдетъ, пусть тотчасъ же выйдетъ! Пошли его навѣстить наружное пространство!»—Подошли къ дому. Сынъ снаружи что-то работаетъ.—Войдемъ въ пологъ!—говоритъ отецъ. Вошелъ Рынтэу вмѣстѣ съ отцомъ.—Ну, теперь выйди наружу, посмотри, что дѣлается въ наружномъ пространствѣ!—А старушка Кэрэкъ создала волшебствомъ одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи. Вышелъ изъ полога, пошелъ впередъ, потерявъ умъ. Такъ шелъ. У берега морскіе утёсы, на нихъ подобные толстому пальцу каменные отростки (пэркат), прямо надъ водой. На одномъ изъ нихъ очутился верхомъ, тогда очнулся. Смотритъ кругомъ—мѣсто незнакомое; сзади—камень, снизу—бушуетъ море, сидѣнье узкое—сойти нельзя. Сидитъ и день, и два, мозгъ въ костяхъ сталъ высыхать отъ голода. Наконецъ, летитъ мимо воронъ.—Кто ты?—Рынтэу!—Зачѣмъ сидишь на каменномъ пальцѣ?—Да какъ сойду!—Хочешь, я тебя научу сойти и вернуться?—Эйей!—А что дашь на выкупъ?—Дамъ, что угодно.—Всѣхъ живыхъ, кого увидишь дома, убей мнѣ!—Согласенъ.—Ну, слушай меня, не испуская дыханія. Пройдетъ утро и вечеръ, поплыветъ мимо утёса кокора иноземнаго дерева, принесенная движеніемъ моря. Станетъ проплывать мимо, прыгай на неё съ каменнаго пальца, не думай о высотѣ, не разсчитывай, что «можетъ быть я убьюсь». Прыгай прямо внизъ, очутишься на кокорѣ, поплывешь за море. Станешь приплывать къ берегу, зажмурь глаза; каменистый берегъ зашумитъ подъ тобою, не открывай глазъ. Со слѣпыми глазами набери въ горсть дресвы [2]) и пересыпай камешки изъ руки въ руку. Когда ощутишь, что они мягки, какъ ягоды морошка, брось горсть черезъ голову. Тогда подхватитъ тебя и понесетъ по верху и опять перенесетъ черезъ море. Когда зашумитъ подъ ногами каменистый берегъ, то опять, зажмурившись, набери въ горсть дресвы и перебрасывай изъ руки въ руку. Когда станетъ мягко, какъ морошка, опять бросай черезъ голову; опять подхватитъ тебя, перенесетъ черезъ море. Когда опустишься на землю, открой глаза, тогда найдешь. Пойдя по землѣ, найдешь старое кочевище, поищи на немъ, найдешь иглу, потомъ еще пойди, найдешь кочевище, на немъ поищи, найдешь наперстокъ. Сдери съ большого жука шкуру, натяни кожей на бубенъ. Когда дойдешь домой съ этимъ бубномъ, соверши «служеніе» надъ иглой и наперсткомъ!

Сказавши, улетѣлъ. Сидитъ на каменномъ пальцѣ Рынтэу,—по прежнему не можетъ спать. Прошелъ день, прошла ночь, плыветъ мимо кокора, уносимая морскимъ движеніемъ,—прыгнулъ Рынтэу, попалъ на кокору. Понесло его черезъ море. Когда присталъ къ берегу, зажмурилъ глаза, каменистый берегъ зашумѣлъ подъ ногами. Со слѣпыми глазами собралъ въ горсть дресвы и сталъ пересыпать камешки изъ руки въ руку. Когда ощутилъ, что они мягки, какъ морошка, бросилъ черезъ голову. Подхватило его и понесло по верху и перенесло за море. Зашумѣлъ подъ ногами каменистый берегъ; набралъ въ горсть дресвы и сталъ пересыпать камешки изъ руки въ руку, когда ощутилъ, что они мягки, какъ морошка, бросилъ черезъ голову. Подхватило его и понесло по верху и перенесло въ его землю. Пришелъ онъ къ своему дому—Слава Богу! [3]) Пришелъ!—говоритъ ему отецъ.—Да, пришелъ! А гдѣ старушка Кэрэкъ?—Здѣсь.—Скажи ей: Завтра будемъ совершать служеніе. Пошлите вѣсти по народу!

Сталъ строить деревянный шатеръ; выстроилъ такой большой, что отъ входа задняя стѣна еле видѣется. Пока собирался народъ, окончилъ жилище. Собрались люди со всѣхъ сторонъ, наполнили все жилище. Сталъ онъ шаманить на своемъ маленькомъ бубнѣ. А старушка Кэрэкъ устроила подножіе изъ опрокинутаго котла и, взобравшись на него, давала ему пѣвучіе отвѣты, поднялся ея голосъ и достигъ дымоваго

---

[1]) Кэрэк—небольшое племя, живущее на побережьи Тихаго Океана. Ему приписываютъ большія колдовскія знанія.

[2]) Крупнаго зернистаго песку.

[3]) Рэхă lўмнă.

отверстія и вышелъ, наполняя пустыню. Собрались, всѣ мущины, женщины и дѣти, стѣснились въ домѣ. Только одной сироткѣ, безъ отца и безъ матери, сказалъ Рынтэу.—Не будь здѣсь! Выйди вонъ и будь тамъ снаружи!—Она вышла. Тогда сказалъ Рынтэгу:—Сюда игла!—И сверху сквозь трубу спустилась игла, какъ будто на ниточкѣ.—Кому эта игла подходитъ по рукѣ, пусть та женщина возьметъ её.—Мнѣ, мнѣ!—кричатъ женщины. Протягиваютъ руки къ иглѣ, а она уклоняется, не дается имъ.—Ну, если никто не можетъ взять, уберите её обратно!—сказалъ Рынтэу и утянуло вверхъ иглу, какъ будто на ниточкѣ.—Теперь сюда наперстокъ!—сказалъ Рынтэу. Спустился сквозь отверстіе наперстокъ, какъ будто на ниточкѣ.—Кому этотъ наперстокъ, по рукѣ, та женщина пусть его и возьметъ!—Мнѣ, мнѣ!—кричатъ женщины, протягиваютъ руки къ наперстку, а тотъ уклоняется, не дается имъ.—Ну, если никто не можетъ взять, уберите его обратно!—Утянуло вверхъ наперстокъ, какъ будто на ниточкѣ.

— Когда я скитался, потерянный среди вселенныхъ,—запѣлъ Рынтэу—я держалъ въ рукахъ камни и они стали мягки, какъ морошка. Гдѣ моя морошка, твердая какъ камень?

Сверху спустилась бусина, какъ будто ягода морошки, укрѣпленная на длинной серебряной нити; блескъ освѣтилъ весь домъ.—Кому эту подвѣску?—сказалъ Рынтэу—Мнѣ, мнѣ!—закричали женщины. Со всѣхъ сторонъ протянулись руки и схватились за нить. Кому не достало мѣста, тѣ хватали за руки сосѣдокъ. Тогда ударилъ Рынтэу въ свой бубенъ изъ жучьей кожи и запѣлъ:—Когда я сидѣлъ на каменномъ пальцѣ надъ моремъ, воронъ попросилъ меня отдать ему на добычу весь народъ. Возьми, черный, каркающій, свою добычу! Забавно-ли тебѣ старушка Кэрэкъ? Твоя порча возвратилась на твое собственное тѣло.—Подпрыгнулъ вверхъ Рынтэу и выпрыгнулъ изъ дымоваго отверстія; но бубенъ его выросъ и застрялъ въ отверстіи и закрылъ его собою. Двери и выходы деревяннаго дома всѣ исчезли. Тогда колотушка сама стала стучать въ бубенъ, какъ пойманная птица. Бусина стала расти и расти и тѣснить людей, окружавшихъ её. Сначала стала, какъ шишка сверла, потомъ какъ дѣтская голова, потомъ какъ человѣческая голова, потомъ какъ оленья свѣжевываленная брюшина, потомъ какъ круглый тюлень, потомъ какъ лахтачная туша, больше и больше, наполнила весь домъ, сжимая людей. Еще ростетъ бусина, еще стучитъ колотушка, кровь проступила, какъ кровавый потъ, сквозь бревна, лопнули связи дома и распались врозь. Полилась кровавая рѣка отъ постройки Рынтэу,—такъ остались на землѣ только двое: Рынтэу и сиротка, оставленная снаружи. Женился Рынтэу на сироткѣ и отъ нихъ снова размножился человѣческій родъ.

Сообщилъ *Богоразъ*.